

ВСЕГО 50

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лилия МАКЕЕВА

Лилия Макеева

Всего 50

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26532603

SelfPub; 2021

Аннотация

Барселона, казалось, ликовала, приходя в восторг от самой себя. Утопающий в летнем солнце, морском бризе и праздничной атмосфере, город словно был создан для того, чтобы героиня могла встретить здесь свои полвека и долгожданную любовь. Но программа пошла совсем не по тому руслу.

Содержит нецензурную брань.

Лилия Макеева

Всего 50

У женщин нет возраста. Они либо молодые, либо старые
(Саша Гитри*)

*Любовь как ветрянка – чем позднее она случается, тем
тяжелее
её последствия*

(Дуглас Джеррольд**)

ГЛАВА 1. Идея без программы

Я отважно подняла взгляд.

На правой половине моей головы всё ещё оставались волосы. Но отступить в таком виде было бы нелепо.

Из глубины огромного зеркала парикмахерской на меня смотрели расширенные от недоумения глаза, принадлежащие одутловатому лицу нехотя стареющей женщины. Редкие бигуди по периметру её головы едва держались на жиденьких, пегих волосах. Полуоткрытый рот, казалось, потерял очертания. Явно шокированная, дама склонилась к уху сидящей рядом соседки и что-то нервно шепнула, выразительной мимикой указывая на мой оголённый затылок и на богатые пряди только что с него состриженных и разбросан-

ных вокруг кресла волос, по которым бездушно топтался парикмахер. Это были мои родные пряди, выкрашенные в благородный каштановый цвет. Переведя фокус на них, я мысленно простилась с прежним имиджем. Хм... Моя голова оказалась гораздо меньшего размера, чем я полагала.

Когда час назад я вошла в парикмахерскую, мне уже нечего было терять, кроме волос:

– Снимите всё, пожалуйста, под машинку. Чтобы крашенных не было, только седина осталась.

От волнения меня потряхивало. Но парикмахер не удивился:

– Что ж... желание клиента для нас – закон. Кстати, с вашей структурой волоса вам пойдёт ёжик. У вас правильной формы череп.

– Откуда вы знаете?

– Великая сила воображения! Как опытный мужчина может «раздеть в уме» одетую женщину, так и опытный стилист на раз «снимет» с клиента шевелюру...

Дамский мастер-трансвестит, доверительно прижавшись к моему затылку силиконовой грудью, запустил нежные, дерзкие пальцы в мою гриву и докопался до отросшей на сантиметр седины:

– И цвет седого волоса у вас прекрасный – мы это называем «соль-перец».

Кулинарная интерпретация образа головы меня развеселила, но разжать челюсти я не рискнула: вдруг рот, паче чая-

ния, раскроется, и оттуда вырвется, что вся эта затея с оболваниваем – шуточная...

– Послушайте, а вам не жаль расставаться с такой роскошной шевелюрой? – высказалась сидящая под «колпаком» дама.

– Нисколько! Мне уже, в принципе, ничего не жаль, – искренне ответила я.

Через час, холодея внутри и снаружи, я демонстрировала окружающим правильные очертания черепа, чистый лоб и серебристый, из соли с перцем, «ёжик». Кое-кто даже оглядывался. Значит, стильно? А лёгкость-то какая! Практически эйфория.

Танцующей походкой я рассекала улицу, осознавая, что твёрдо встала на тропу кардинального преображения. Чтобы увидеть своё истинное лицо и принять себя такой, какая есть.

Вместе с отброшенными в прошлое крашеными волосами откололась от сердца льдина. На ней сидел нахохлившийся Виталий – в полной, правда, экипировке. Так что можно было за него не переживать. А с меня порожняка хватит.

***

Может ли человека позвать к себе город? Нет, не друг, в нём проживающий, не реклама турфирмы, не мечта о его посещении и не наводящий на мысль о поездке сон, а сам город, лично? Теперь я точно знаю – может. Для какой такой цели – это уже совсем другой разговор.

В Барселону я, признаться, рвалась давно. Но всё как-то откладывала до лучших времен. Пока Барселона сама меня не позвала. Метафизическим образом, разумеется. За два месяца до своего пятидесятилетия, несколько удручённая предстоящим, но, в целом, оптимистичная, я пришла к выводу, что понятие «юбилей» мне абсолютно не к лицу. Юбилей предполагал пройденный, не короткий путь, а я ещё и жить толком не начала! То одно жизненное задание, то другое – как тут вкусить радость жизни в полной мере? Отмечать юбилей означало – подводить определённые итоги, собрав за большим столом друзей и близких. А что у меня? Ни достаточного количества итогов, ни необходимого числа друзей. Подводить итоги рановато, а отборные друзья, волею судеб, разбросаны по миру. Как их соберёшь за одним столом? И где этот стол должен стоять? В Москве? В Ганновере? Оплатить полёт тем, кто с удовольствием ко мне прилетит, я не в состоянии, а напрягать друзей не позволяет пресловутая любовь к ближнему. Дилемма!

Мне не раз представлялось гипотетическое застолье с его неременной, китчевой, на мой пристальный взгляд, атрибутикой: громоздкие букеты в целлофане, ритуальные, несколько вымученные поцелуи, суэта, будничное бряцание ножей и вилок, сусальные тосты и пафосные, хоть и искренние пожелания... Да, торжественно и красиво, а главное – привычно всем. Ну, в качестве гостя там восседать – это, скажем так, душевно. А вот юбиляру-то какво? Пока в его

шкуре сам не окажешься, не проникнешься.

Всё-таки, наверное, внимания на одну юбилейную душу населения – чересчур. Некоторым, говорят, даже плохо становится. И чем старше юбиляр, тем опаснее для него подобный стресс. И вообще – на вкус и цвет... Вот так, складывая аргументы и вычитая, я постепенно пришла к выводу, что юбилей мне, простите за резкость слога, претит. Не желаю никакого юбилея. Тем самым я бы согласилась, что мне пятьдесят. А мне ведь всего двадцать девять! Долой условности! Да здравствует нетривиальный подход к событиям! Да здравствует свобода!

Что касается свободы, то визуализировалась она так: однажды я презрю чемодан, а возьму в руки лишь дамскую сумочку, сложив в неё все самое необходимое для путешествия налегке. И в таком, практически легкомысленном виде полечу в какой-нибудь прекрасный город Европы. Ещё мною не открытый. Почувствую себя птицей, которая ничего не берёт с собой в полёт, а летит, расправив крылья, и всё отыскивает на месте.

Да, и от вредной привычки хотелось избавиться – брать в дорогу несколько больше вещей, чем, как потом выясняется, нужно. По природе своей я предусмотрительна, учитываю каждую мелочь. Сказывается советское воспитание, нужда в бытовых «примочках» и привычка к дефициту времён застоя. Ведь покупать вещи и предметы первой необходимости на месте обходится несколько дороже, чем упаковать

вать в чемодан уже имеющееся. Обманчивое ощущение. Но – тут я вздыхала – мечта о лёгком багаже несбыточна, поскольку мне обязательно что-то помешает. Что? Да любовь к близким, к примеру. Без подарков я свои поездки не мыслила. Всем и каждому – вот и набиралось полчемодана. Плюс своё, кровное.

Надрываясь на какой-нибудь лестнице, которая везде, так или иначе, подворачивалась по причине отсутствующего эскалатора, я клялась себе в следующий раз ехать без подарков. Тщетно! Мы все – рабы собственных пристрастий. При сборах всегда кажется: и это пригодится, и то понадобится. На деле же обходишься третью из утрамбованного в чемодан и досадуешь, обещая себе впредь минимизировать набор туриста.

Если вдуматься, в каждом городе Европы найдется всё, чего душа современного потребителя пожелает. И не таких уж это больших денег стоит – приобрести, скажем, в Мадриде тапочки, а в Риме маечку или зонтик. Что ещё нужно человеку для счастья? Дезодорант? Шляпа? Всё доступно. Никто же не гонит вас за покупкой на Елисейские поля. Хотя и там, если задаться целью, можно отыскать товары по сходной цене.

В теории всё это – прекрасно. Однако и сейчас у меня в машине лежал чемодан, набитый до отказа. При этом, поверьте, в нём не было ничего лишнего...

В жизни раз бывает... пятьдесят лет. Откуда они взя-

лись-то? Гляжу в паспорт и не верю глазам своим. Бред полный! Просто цифры незаметно сплясали краковяк, перепутали места. Чтобы я – и так давно родилась? Не может быть! У меня и фигура, как у девушки, и прочая атрибутика ещё не пожухла. И вообще – я такая лёгкая! Не побоюсь такого слова – заводная. Короче, количество прожитых лет, пролетевших в одно мгновение, не укладывается у меня в голове. Тесновато мозгам. По моим расчётам, мне двадцать девять – и баста! При таких цифрах несколько больше остается места в черепной коробке, светлее как-то, легче жить. Ей-богу, я не кокетничаю и не играю с возрастом в прятки – просто чувствую себя молодой, без применения хирургического скальпеля, инъекций ботокса и прочих популярных средств. Сама удивляюсь! Упорное самовнушение достоверно отражается на внешности – на носу полвека, а у меня, говорят, ни единой морщины. И я льстецам верю! Особенно, когда удачно ложится макияж. Кстати, косметолога я посетила всего два раза в жизни: один раз, дабы попробовать, с чем это едят, а второй – перед важным свиданием, которое не состоялось: электрофорез, на чудодействие которого возлагались надежды, закончился воспалением лицевого нерва. Да таким серьёзным, что я две недели принимала тяжёлую медицинскую артиллерию под названием «Карбомазипин», стыдясь стадного чувства погони за красотой.

Те, кто взирает на меня с пристрастием, утверждают, что я-де красавица. А я ещё в юности находила у себя энное ко-

личество недочетов. Причем объективных, не надуманных: кривая нижняя губа, крупноватый нос и коротковатая шея. Да, ещё и ростом не очень-то вышла. Что не мешало мне, однако, с детских лет считаться привлекательной в глазах противоположного пола. Изысканность черт мне всегда заменял шарм, коего отпущено природой на троих. Спасибо папе с мамой и предыдущим всем! Главное же – правильные пропорции. И ещё – я люблю хохотать до искр из глаз. Остаточные комплексы к пятидесяти, надо сказать, тускнеют. Пора бы уже себя полюбить, правда? Сейчас это модно. Здоровья, говорят, прибавляет. И вообще, как сказала одна известная актриса: «Какое лицо дано, то и придется донашивать...»

Ещё на пике своего юношеского развития я констатировала: в жизни всегда есть место чудесам. И чем дольше я живу, тем чаще меня охватывает чувство благодарности судьбе за всякого рода доказательства этой нехитрой теории. Потому что всё нижеслучившееся – из разряда чудес.

***

Звонок подруге – святое. Смотря какой подруге, конечно. Но в данном конкретном случае и тут пахнет чудом. Поскольку таких, как моя Ярослава – единицы. Тем не менее, мы практически не воркуем. Нам всегда есть, на чём соорудить полемику. И я, бывает, попадаю под критику подруги. Но этот, казалось бы, нелицеприятный факт не раз меня выручал и помогал разобраться в текущей коллизии. Славка лихо сталкивала меня с ней лоб в лоб, бескомпромиссно вы-

секая искру истины.

Тот разговор исключением не стал.

– Есть женщина – источник. И есть мужчина – проводник! – заявила я новую насущную тему.

– Слушай, кто из нас МАИ заканчивал? Я думала, искусствоведам не до электричества...

– Подожди, я серьёзно. И вообще – о другом! Мужчина для женщины – проводник. Ну, что ты хмыкаешь, будто я ересь несу? Гуманитарии тоже соображают... К этому однажды нужно прийти, и я пришла... методом проб и ошибок, как говорится.

– К чему пришла?

– Да к тому, что мужчина связан с Богом напрямую, а женщина, как бы ни старалась, не может приблизиться к Богу сама, и для неё эта связь возможна только через мужчину. Вот и получается, что по-настоящему счастлива лишь та женщина, для которой её мужчина – бог.

– Ты встала на скользкую дорожку... Я, конечно, уже двадцать пять лет как – эталонная мужняя жена, но, знаешь... не сотвори себе кумира!

– Ну, если этот кумир – сам бог, то пусть будет!

– Мне кажется, ты подменяешь понятия, чтобы оправдать свою личную теорию... невероятности.

– Невероятного в жизни больше, дорогая. Я никому своё мнение – если не сказать прозрение – не навязываю. Ну, вот смотри, что установили учёные: постоянные обиды женщин

на мужчин отражаются не на мужчинах, а на самих женщинах! Причём, в форме физических недомоганий, а то и заболеваний. Придирки и завышенные претензии вообще к нервным расстройствам ведут, прямой дорогой. Уже всякие разные выкладки есть на этот счёт. А я за своё прозрение высокую цену заплатила. Несколько лет одиночества – и мозги прочищены. Всех замужних я бы периодически на курсы повышения квалификации отправляла. Как в ссылку.

– По мне, так с удовольствием! Я – чур! – первая в ссылку! Отдохнула бы от своего...

– Вот, пожалуйста! Типичная реакция заблудшей... Да не чтобы отдыхать, а чтобы заново оценить, что он вообще с тобой! Или, допустим, перестать помыкать им. Принять его таким, какой есть, не перекраивать. Как ни крути, ты – из его ребра, а не он – из твоего. Ничего личного, само собой, не о тебе конкретно речь. «Сосуд скудельный» – женщина, помнишь эту фразу из Нового завета?

– Это позиция какой-то восточной женщины, мы тут при чем?

– Да я ведь раньше именно так и строила отношения с мужским полом, глядя на мужчин снизу вверх, по наитию! Потом наслушалась советов «умных» баб-стерв и начала самовыражаться... права качать, командовать. Помыкала мужиками по-своему, не как крепостными, конечно... И в результате? Ничего хорошего.

– Надо было делать это тонко, незаметно. А не серпом по

чувствительным местам.

– Ну, что теперь-то говорить... Поздно пить «боржоми», когда печень отвалилась.

– Знаешь, такой «печени», как твой муж, туда и дорога! Сейчас-то у тебя что за идея опять?

– Закачаешься! Встретить свою судьбу на швейцарской границе! За рулём. Передам, наконец, эти самые... бразды правления мужчине – пусть рулит.

– У нас не только Новый завет цитируется, но и новый роман назревает?! А что же твой суженый-ряженный, которого ты ждёшь, как Пенелопа?

– Так о нём и речь.

– О, Господи! Я думала, ты как-то успокоилась... Не устала ещё ждать у моря погоды?

– Смерть стоит того, чтобы жить, а любовь стоит того, чтобы ждать. Кто сказал, не знаю. Но когда я услышала эту фразу, сразу нашла объяснение своему состоянию. Мне реально помогло. Стало гораздо легче ждать Серёжу...

– Сколько тебя знаю, не перестаю удивляться твоему идеализму. Четыре года уже ждёшь!

– Зато какие у меня бывают сюрпризы. Вот недавно вспомнила, как прошлым летом сидела у моря на полотенце и пробовала рисовать с натуры. Подняла голову – напротив меня дрейфует небольшая яхта. Как в той сказке: приплыла ко мне рыбка... яхта, спросила: «Чего тебе надобно, детка?» А на ней – мой Серёжка, в тех самых черных купальных

плавках. Ну, воображаемый, конечно. Он и впрямь прекрасно смотрится на яхте. Яхта белая, Серёжка загорелый. На борту название – «Богиня». Значит, это моя яхта. Мы обогнём на ней Сардинию. Потом поплывем на Сицилию, она же неподалеку. Главное, чтобы Серёжа не забыл приобрести спасательные жилеты! И нашёл ко мне дорогу.

– До какой же степени ты наивна!

– Это не степень моей наивности, а уровень моей веры... Слушай, хватит меня осаживать. Ты так и не ответила, как тебе моя задумка? Юбилейный, так сказать, вояж совершить...

Своеобразному ритуалу я не изменяла: всякий раз перед принятием важных решений созваниваться с Ярославой. Ладно бы одно имя оригинальное, так ещё и мозги недюжинные.

На мою идею – проехать самой на машине от Ганновера до Барселоны – подруга отреагировала трезво, тоже, как правило, себе не изменяя.

– Ты думаешь, если тебе пятьдесят, то ты получила индульгенцию на любую причуду? И теперь тебе всё можно? – спросила меня Славка любя, без скепсиса.

– Наверное, так и есть. Я никакой взрослости не ощущаю, а вот... возможности, перспективу – да! Понимаешь? Теперь дорог не просто каждый день, а каждая минута! А что, потвоему, я не в состоянии проделать этот путь? Руль я обожаю. У меня в крови бензин!

– Сколько всего километров пилить?

– От Ганновера до Барселоны где-то две с половиной тысячи. Вроде бы, точно ещё не смотрела.

– Ну, ты с ума сошла, я же говорю! Это и мужику не каждому под силу.

– Сильнее бабы зверя нет! Да ты не волнуйся, я же буду останавливаться на ночь. Так потихоньку и доберусь ко дню своего рождения до желанной Испании.

– Идея, конечно, восхитительная. А нельзя поближе пятидесятилетие отметить? В Цюрихе, что ли. До него на тысячу километров меньше.

– Нет, это не то. Чопорно там слишком. О Барселоне я уже лет двадцать мечтала. Как услышала Фредди Меркьюри с Монсеррат Кабалье, поющих про Барсу, так и начала. Дело, конечно, не в дуэте, хоть он и пробивает меня каждый раз. А Серёжа прилетит накануне юбилея ко мне. Пойми, в пятьдесят лучше оказаться там, где тебя никто не знает, не подсчитывает «прожитые вехи», не говорит, что ты хорошо сохранилась... Тебе полвека, а вокруг – новизна и сплошная красота, проверенная и усиленная несколькими столетиями!

– Как сказала! Ну, если столетиями, то убедила... Ведь всё равно не отговорить – слышу по голосу. А, может, ты и права насчёт полвека своего... Но мы как-то привыкли с мужем справлять даты – круглые, во всяком случае. Хоть друзей повидеашь, разом. Ну, и вообще... как-то надо беречь традиции! А то...

– А то – что? Анархия? Так она же – «мать порядка», мать!

– Ладно, – отмахнулась Славка, – что-то мне сегодня не до юмора. Или я близко к сердцу твою безумную идею приняла...

– Что ты! Радуйся, это мне помогает. Страхи передаются и – что делают? – блокируют доступ энергии. А она мне нужна! Буду тебе фоторепортажи оттуда слать.

– Хорошо. Смотри, не лихачь там, особенно на автобане, а то я тебя знаю...

– Обещаю больше ста двадцати... ста тридцати не набирать. Сама понимаю – путь непростой. Но мы ведь легких-то путей не ищем! Ладно, пора мне, дорогая. Отбой. Целую!

– Не знаю, не знаю... я бы не смогла. Ты не обижайся, но я давно заметила: стоит тебе влюбиться, ты глупеешь на глазах... будто тебе не пятьдесят...

– Ага! Это такой естественный способ омоложения, без оперативного вмешательства! Обратный отсчет.

– Да-да, знаем, слышали. Когда стартуешь?

– Завтра. Всё готово, не бойсь!

– Ну, уговорила, со скрипом. Пока, девочка! Сообщай о передвижении. Целую...

Мы дружим с семнадцати лет. Стаж дружбы сделал нас сёстрами. Зная друг о друге почти всё, мы сохраняем при этом такт, уважение и небольшую, но согласованную в представлении обеих дистанцию.

Нам повезло – мы оказались не просто родственными ду-

шами, а одинаково воспитанными, исповедующими похожие принципы, имеющими одни и те же точки отсчета. И что особенно важно: наше восприятие мира, да и просто наши нервные системы совпали до такой степени, что первые десять лет мы удивлялись. Потом это совпадение перестало удивлять и начало радовать.

Обе мы появились на свет в один и тот же год и в одном месяце, в августе – между нами всего четыре дня разницы. Обе родились в республиках: я в Узбекистане, Славка – в Киргизии. Но нас объединяют не республики как таковые, а русская кровь. Приехав юными девушками в Москву, мы – каждая на свой лад – прошли типичные школы жизни и вынесли оттуда по собственному аттестату зрелости, не щеголяя друг перед другом высокими оценками и не стесняясь низких.

В отличие от некоторых, мы никогда не соперничаем. Честно. Самоутверждаться за чужой счёт нам и в голову не приходит: мы довольно рано стали самодостаточными личностями, сохраняя, однако, разные индивидуальности. Одна любит перемены и новизну, другая предпочитает покой, стабильность и, вследствие этого, отличается некоторым консерватизмом. Но обе мы, как больные, обожаем селёдку и временами можем её не поделить! Несмотря на это отягчающее обстоятельство, наш исход из-за стола всегда был мирным. Потому что Ярослава моя с годами научилась прекрасно готовить, и накрытый ею стол стабильно располагает к

полной гармонии. Не хватит селёдки, так покроешь свеклой, тушёной с морковью, луком и орехами.

Личная жизнь складывается у нас в кардинально разных плоскостях. Ровная Славка живёт всю жизнь с первым и, похоже, последним мужем, а я, кривая, побывав замужем три раза, перманентно нахожусь в будоражащем периоде влюблённости. Ярослава, мужняя жена, отнюдь меня не осуждает, а скорее сочувствует и желает, чтобы и в жизнь подруги пришёл не абы какой, а правильный мужчина. Дабы та тоже обрела, наконец, покой и женское счастье. И за такое благородство я ценю Славку не меньше, чем за её кулинарные способности.

Услышав о моей новой идее – добраться на своей машине до Барселоны, протаранив, соответственно, Германию, Швейцарию и Италию, моя подруга заволновалась. Оседлой Ярославе это показалось чрезмерным. Одно её, наверное, успокаивало – вожу я хорошо, по-мужски. Это объективно.

***

Итак, Барселона сама меня поманила. Неожиданно и оригинально, что абсолютно соответствовало имиджу столицы Каталонии.

За два месяца до дня рождения открываю почтовый ящик – и что вы думаете? Обнаруживаю в нём красочную открытку с пятью основными достопримечательностями Барселоны. Дом Гауди «Батльо» и «Педрера», «Саграда Фамилия» и всё остальное взбудоражили воображение, и я не сразу об-

ратила внимание на чужую фамилию, стоящую в адресе получателя. Уже войдя в дом, прочла и смекнула – открытка попала в мой ящик ошибочно.

Вернувшись вниз к почтовому отсеку в подъезде, я поставила открытку к стене, как картину. Полиграфически отутюженный город мечты показался настолько реальным и доступным, что мне сразу захотелось туда... Странно, как это я там до сих пор ещё не побывала! Эврика! Вот, где мне предстоит провести свой пятидесятый день рождения! Случайно попавшая в ящик открытка – чистой воды знак. И я его приму, как совет свыше. Раз Барселона сама зовёт, надо лететь к ней на крыльях. Нет, лучше поехать на машине – масштаб крупнее.

Разговор с Ярославой и предосторожности подруги ни капельки меня не смутили. Скорее, наоборот – предвкушение определённой дозы адреналина приятно будоражило. Ух, прокачусь! Опасно? Волков бояться – в лес не ходить. Один мой знакомый немец так боится летать на самолёте, что уже тридцать лет ездит в отпуск на испанское побережье на автобусе и ни разу не рискнул полететь в Америку или на Сейшелы. Хотя мог бы! Но трусит. Ужас какой – прожить жизнь и не пошастать по миру. А он ведь так прекрасен!

С точки зрения моей подруги, опасность задуманного путешествия состояла в том, что женщина в одиночку пускается в путь на машине, пусть даже и непревзойденной марки «Мерседес-Бенц». К тому же машина – это техника, а

увидеть меня перед лицом техногенной катастрофы подруга не желала. Признаться, я скрыла от Славки каверзную деталь: последние полгода мотор машины, прошедшей всего-навсего шестьдесят две тысячи километров, начал издавать непривычный шум. На ход машины он, правда, не влиял. Стартовал мой «конь», что называется, с места в карьер бесперебойно, восемь лет подряд. А сейчас мне вообще не до ремонта! Будет день – будет пища. Экспромт – это, я вам доложу, вещь!

Планов не было, а вот идея существовала. Причем, идея тайная, скрытая ото всех. Она в листа подходила и под пятидесятилетие, и под великолепие Барселоны. А главное – она подходила под весь строй моей романтической души. Там у меня бурлили и клокотали предчувствия – скоро в жизни произойдет переворот, и начнётся совершенно иной отрезок. Не скрою, я этого долго и терпеливо ждала. Как ждут Чуда. Его предвестие случилось четыре года назад. Именно тогда, когда я ни на что подобное не рассчитывала. Так происходит у всех: событие сваливается с небес на землю, как сверкающий кулек, полный небесной манны. Или как камень. И застигает врасплох. Голову не прикроешь: руки-то висят плетьюми от неожиданности. В ушах звон, перед глазами туман. И ноги ватные – попробуй, убеги ими от судьбы...

Он стоял на носу небольшой яхты и не торопясь складывал только что снятые джинсы. По движениям мужчины было заметно: он прекрасно чувствует, что за ним наблюдают.

Клянусь, я совершенно не собиралась этого делать! Сидела себе расслабленно на корме и вглядывалась в горизонт. Море синее, небо голубое, яхта белая. И вдруг в эту идиллию красок вклинился новый цвет. Плавки раздевшегося мужчины, простые и чёрные, непонятно чем притягивали к себе взгляд. Как чёрный квадрат Малевича. Только ничего квадратного перед моим взором не было. Мое внимание приковала соблазнительная округлость ягодиц и выразительное очертание того, что находилось у мужчины под плавками и называлось мужским достоинством. Извините, конечно, но в банальном женском любопытстве на уровне инстинкта я себя уличить не могла – моей возвышенной натуре это не свойственно. Никакое не женское начало во мне заговорило, а эстетическое. Нет, вру, не заговорило, а закричало: «Как красиво!» Невысокая, ладная фигура ещё не загорелого её обладателя встала в рост поперёк неба и всего моего существа. Хотя на самом деле легла ничком на белое махровое полотенце, позагорать на борту яхты.

Что за наглость откуда-то выскочила – у меня не получалось оторвать от мужчины глаз, хоть тресни!

Тот, укладываясь удобнее, бросил на меня короткий взгляд исподлобья, словно осуждая моё поведение. Серые глаза его показались мне злыми.

Он опустил голову на скрещённые руки и отключился от окружающего мира.

Почти плюясь от досады в свою сторону, я по-честному

силлилась отвести взгляд. Забыла даже, зачем я здесь – среди малознакомых и вовсе незнакомых людей.

На прогулку до Антиба меня пригласил владелец яхты, российский художник Олег Бурмаков, три десятилетия назад уехавший из Советского Союза и ставший мировой известностью. Мы столкнулись накануне в Ницце, на выставке французского художника – друга и коллеги Бурмакова. Шапочно знакомые, мы обрадовались встрече, как радуются независимые друг от друга люди, оказавшись вдали от дома в похожих обстоятельствах.

– Пойдёшь завтра с нами на яхте? Ну, тогда в десять у причала, – обрушился на меня своим радушием художник.

Он слыл рубахой-парнем. На яхте я ещё никогда не ходила и, разумеется, согласилась.

– Кто хочет черешни, налетай! – обратилась ко всем жена художника, француженка, с которой он жил только, когда бывал во Франции, потому что в Америке у него была заряжена другая жена. Такой расклад устраивал всех. Наверное, потому что француженка находилась в разгаре климакса, а художник – в расцвете лет.

Мужчину, лежащего ничком, звали Сергей. Собственно говоря, я его знала. Вернее, знала о его существовании на протяжении нескольких лет. Сейчас его напряжённое тело рельефно выдавало род его занятий – он работал профессиональным наемным телохранителем известных людей и редко бывал расслаблен. Достаточно молодой – сорок лет, но

уже опытный, с прекрасной репутацией. Последнее время художник его от себя не отпускал, и они, кажется, подписали долгосрочный контракт. На заметных светских раутах я как-то видела Сергея при Бурмакове. Два года назад мы столкнулись на одной из «ярмарок тщеславия», самостоятельно друг другу представившись. Телохранитель произвёл на меня приятное впечатление, не более того. Воспитан, опрятен, грамотная речь, а в остальном – не герой моих снов.

В тот вечер я без настроения вышла из отеля на берегу моря. Набережная жила привычной ресторанно-променадной жизнью. Меня сопровождал лишь волнующий запах морского бриза. И вдруг ко мне неожиданно, как с облака, спустился этот самый Сергей. Спускался он с винтовой лестницы, к подножию которой я неторопливо подходила. Взгляд мой пришёлся на мужчину именно в ту секунду, когда вся его фигура отразилась на фоне неба: лестница, по природе своей конструкции, словно висела в воздухе.

Весь день я маялась под гнётом грусти. Поэтому, неожиданно увидев знакомое лицо, безотчетно воскликнула:

– Серёжа!

Мужчина сдержанно, но тепло поздоровался, и мы степенно начали дефиле по дорожке.

Раньше я всегда видела его только при галстукке. Сейчас на нём прекрасно сидел джинсовый костюм, что делало его по-своему ближе.

– Замечательно выглядите, – сделал мне мужчина ничего

не значащий комплимент.

– Спасибо, – дружелюбно отозвалась я.

Не успела я, так сказать, приосаниться, как мужчина куда-то заторопился. Мы плавно разошлись по своим орбитам.

Час спустя я зависла перед плакатом новой выставки какого-то местного скульптора. Вдруг за моей спиной, очень близко к уху, раздался приглушённый голос:

– Прекрасный парфюм...

Я вздрогнула. Не от неожиданности – от интонации. Ух, какая точная, как надрез скальпеля, интонация сладкого обольщения!

– Серёжа! Опять вы?

Дыхание сбилось, не скрою. Коротко оглянувшись, я поправила ремень сумочки на плече и хмыкнула иронично – для выработки противоядия. Оно не понадобилось: кто-то подошел, отвлек меня, и мы потерялись в толпе. За весь вечер о Сергее я больше не вспомнила.

***

Белую яхту, бросившую якорь, покачивало на слабых волнах. К блюду с бордовой лоснящейся черешней лениво потянулись руки.

Сергей открыл глаза и тут же, без интереса к происходящему, закрыл. Слово никогда меня в упор не видел. Куда только делся его обволакивающий вчерашний тембр? Наверное, у него плохое настроение. Или я ему неинтересна. Это раззадоривало.

Сергей это почувствовал. Его приятно разморило на солнце, которое начало придавать коже загар, и мужчине не хотелось двигаться – солнце усердно трудилося над его телом. Он своим телом гордился. Подтянутый, без единого жирового отложения, с красивым изгибом спины, он был похож на легкоатлета. Когда-то в юности он считал, что ему не хватает роста, теперь и это перестало его волновать. Он вступил в средний возраст и лишь умножал свои достоинства.

Сидя на корме, я покручивала в пальцах крупную тугую черешенку без черенка. Какая же скука на этой яхте! Приятного собеседника не нашлось, подвыпивший художник распластался где-то в кают-компании, остальные друг другом не интересовались.

Незаметно прицелившись, с невинной улыбочкой на губах, я бросила бордовый шарик в загорающего Серёжу.

Он лежал, уткнувшись в руки лицом. Ягода упала точно перед ним, возле правой руки.

Мужчина медленно, как лев, которого напрасно побеспокоили в его прайде, приподнял голову. Без выражения, холодно посмотрел мне в лицо и с достоинством принял прежнее положение. Наверное, он не забывал, что находится на службе, хоть и лежит тут в плавках, находя несколько нелепым несение вахты в таком уязвимом виде.

Малочисленная публика разбрелась по яхте – кто куда.

Я взяла ещё одну ягоду и опять бросила её в Сергея, на свой страх и риск. Это была уже заявка. Преднамеренное ху-

лиганство.

Не глядя в мою сторону, Сергей аккуратно взял упавшую черешню двумя пальцами и положил её рядом с той, что долетела до него прежде. И снова лёг, только теперь на спину. Игра закончилась. В ничью.

Через некоторое время телохранитель встал и, вслед за внезапно появившимся на корме художником, спустился по сверкающей на солнце хромовой лестнице к тёмной воде. «Патрон» бесшабашно сиганул вниз, подтверждая свой креативный норв. А Сергей прищурился вдаль и, замерев на последней ступеньке, как на трапедии под куполом цирка, резко нырнул. Он вошёл сгруппированным телом в море, подобно дельфину. Да, что-то было в нём от животного: взгляд волчий, повадки хищника, пластика – органичнее некуда.

Положа руку на сердце, я не могла понять, зачем я, грубо говоря, пристаю к мужчине? Не мой тип внешности – мне всегда нравились брюнеты, а он светло-русый. Не из моей сферы – к творческой интеллигенции не принадлежит. Да и нет у меня сейчас потребности в новых отношениях. Других дел по горло. Через неделю вот симпозиум. Сегодня же надо начать готовиться.

Накануне вылета в Москву художник давал обед в ресторане. Сколоченная им компания состояла из семи человек. Хлебосольному мэтру пришло в голову расширить спектр своего влияния в этом мире – и он пригласил меня и ещё пару человек, чуть ли не с улицы. Не жеманничая, я согласи-

лась. Что-что, а поесть отменно Бурмаков умел, считая рестораны своим вторым домом.

Компанейский, всегда весёлый, к тому же прекрасный собеседник, художник балагурил и ел с аппетитом. Подавали итальянскую пасту с тертыми трюфелями, тигровые креветки с фаршированными помидорами и артишоки в изысканном соусе: сок лимона, немного бальзамического уксуса, оливковое масло. В сочетании с белым «Шардоне» трапеза отвечала самым претенциозным канонам.

Рядом с художником, по правую руку, сидел Сергей, тщательно пережёвывая пищу. Подчеркнуто серьёзный, недостижимый для какого-либо контакта, он лишь иногда озирал волчьим оком собравшихся, не останавливая взгляда на мне. Словно меня тут и не было. Будто черешней не я кидалась.

Ну, забродило, конечно, моё самолюбие...

И вдруг – по выходе из-за стола – Сергей пошел на меня, как на амбразуру:

– Вот, улетаем... Жалко. Хорошо тут. – Сказал он с невнятной улыбкой.

– Да, море есть море. С ним всегда приятно встретиться.

– Не только с морем. С вами тоже. Спасибо за черешню, а то бы так и не попробовал. А я её очень люблю.

– А мне показалось, вы ничего не любите и ни к чему не привязаны.

– В этом тоже есть доля истины. Не верю, не боюсь, не прошу.

– Извините, вы что – отсидели срок?

– Логическое у вас мышление. Что вы, нет, Бог миловал.

Этого экстрима я в свою жизнь не заказывал.

– А художника заказывали? Как вам, кстати, с ним работается?

– Тоже неожиданно... Работается... Нормально. Моё дело маленькое, но я стараюсь всё делать по-крупному.

– Красть – так миллион, любить – так королеву? – пошутила я.

Собеседник сделал паузу и вдруг тихо произнёс:

– Да. Такую, как вы.

– О! Спасибо. Вы не преувеличиваете?

– Ничуть. Кстати, это было очень трогательно, когда вы кидались в меня черешней. Только я, находясь при исполнении, вам тем же ответить не мог. А что касается вашего вопроса о художнике, то я несколько разочарован тем... что его реальный образ расходится с имиджем. И окружение его начинает мельчать. Я вас не огорчил?

– Знаете, я тоже об этом думала, как ни странно.

– Ничего тут странного нет. Всем мало-мальски проницательным людям это видно. Печально, человек ведь талантливый. А мне странно другое... Как это может быть, что такая очаровательная, умная женщина – и одна? Извините за бестактность...

– А я не одна. У меня есть любимый мужчина. Только он в другой стране живет.

– А... Понятно.

– Да и потом, открою вам секрет – мне ведь угодить непросто. Мне нужно, чтобы сердце было доброе, голова светлая, руки ухоженные, а ноги – мытые! Где же такое в одном мужчине найдёшь?

– Да, действительно, почти нереально.

– Вот и моя подруга говорит: «Это – только если еврей! Да и то вряд ли».

Сергей захохотал.

Какой смех! Красивее самого смеющегося. Если смеху можно приписать человеческие качества, то это был умный смех. В нём слышались и доброта, и ирония, и что-то мальчишеское, и мудрое. Такой смех, как настоящую классическую музыку, хочется слышать ещё и ещё...

Волнующий нас обоих разговор прервал художник, походя кивнувший телохранителю: поехали.

– Извините, служба. – Отступил Сергей на шаг. – Можно, я запишу номер вашего мобильного?

– Да, пожалуйста.

Я продиктовала телефон, и новый знакомый внёс его в память своей «Нокии».

– До будущих встреч? – спросил он, тепло улыбаясь и глядя мне в глаза лукаво, чуть исподлобья.

Не успела я ответить, как он развернулся и пошел твёрдым шагом прочь, словно оставляя за собой безоговорочное право на новую, непременно встречу.

***

Именно следующие несколько дней поменяли в моей жизни если не всё, то очень многое. Приближался день моего рождения. За несколько дней до культового события меня стабильно начинало крутить. «Предродовые схватки» ввергали в водоворот сильных эмоций и неожиданных событий. Год назад, к примеру, прилетаю в командировку, а ко мне без предупреждения врывается на сутки Виталий, с которым мы тогда встречались. Именно встречались – то в одном городе, то в другом, то по договорённости, то по случаю. Случай выбирал он, приземляясь там, где – в апогей его желания – находилась я. Бизнесмен и широкой души человек, Виталий ни в чём себе не отказывал. Вот, прилетел на мой день рождения в Сочи. Ладно бы только прилетел, а то ведь ещё и лимузин кремового цвета подогнал, и всё сиденье розами завалил, и подарок привёз роскошный. А вечером заказал ужин на террасе над морем, в самом шикарном ресторане.

Меню отличалось изысканностью. Для нас виртуозно играл местный гитарист, а ближе к полуночи Виталий станцевал со мной вальс. Вдохновенный, как Пегас с крыльями, прилетевший любовник источал аромат свежести, радости и мужского шарма. С лёгкой ноткой доминантности. Он заставил меня веселиться до рассвета. Я еле доползла до номера, где подвыпивший жуир жизнерадостно вылил мне на макушку остатки шампанского. Благо – я, обнажённая, стояла в полной готовности принять душ, и пузырьки лишь выгод-

но украсили кожу...

Ненавязчивый роман длился чуть больше двух лет. Да там и не прощупывалось шансов на «дольше». Два взрослых, сложившихся человека со стабильными бытовыми и жизненными условиями, мы проживали в разных городах: я в Москве, Виталий – в Питере. Весь его разномастный, многоуровневый бизнес был намертво прикован к городу на Неве. Виталий пытался было сформировать у меня иллюзию, что переведет «стрелки» на Москву, но я-то соображала: ни один мужчина, склонный, как известно, к консерватизму, не сорвёт в этом возрасте свой прижавевший к молу якорь и не крутанёт штурвал резко в сторону. Первый год я, правда, на что-то надеялась и сама всерьёз подумывала о переезде. Но и мне было не тридцать, и моя жизнь шла по своему расписанию... Обоюдная страсть, благодаря нечастым встречам, не притуплялась, однако со временем начала уступать другим ярким событиям. А сейчас и вовсе находилась под угрозой.

Критическая масса пришлась на тот день, когда художник пригласил меня на яхту. Утром, приводя себя в порядок, я увидела в зеркале женщину, которую обманывают и которая сама от себя этот прискорбный факт вуалирует. По своим же глазам определила: Виталий на мой нынешний день рождения не прилетит, хоть и обещал. А я-то втайне ждала повторения прошлогоднего праздника! Не лимузина, роз и шампанского, а внезапного появления желанного мужчины в день моего рождения. Ведь у меня всё ещё на месте, и сос-

ки празднично торчат в разные стороны! На бельё вот новое раскошелилась. Он так магически умеет его с меня снимать...

Но «лучший подарочек» на этот раз сюда не торопился.

В последних звонках и смс-ках Виталия не улавливалось убедительных интонаций, и все мои щедедушные намеки на его приезд зависали где-то по пути. Открыто спросить, а тем паче – настаивать не позволяла политкорректность.

Сейчас, в зеркале, отчётливо увидела – не прилетит. Не так ложилась прядь, не блестели глаза! Я погримасничала – нет, уголки рта всё равно опущены, а между бровями начала прокладывать себе путь складка. То есть, подсознание работало, как следует, без перебоев.

Не понравившись себе в зеркале, я приняла экстренные меры. Очищая кожуру апельсина и вдыхая аромат эфирных масел, обдумывала подступившее к горлу намерение.

Тщательно вытерев пальцы, удивляясь самой себе, я набрала текст: «Благодарна за всё, не звони, не пиши, не огорчайся. Так будет лучше для обоих. Целую».

«Целую», смягчая свинец предыдущих слов, не подавало надежд, а устанавливало мировую. Могла дать рубль за сто, что довольно-таки честный Виталий лишь обрадуется. И будет по-своему благодарен за безболезненную развязку.

Только бы не передумать! Я быстро отправила своё решение по адресу.

Пришло подтверждение, что смс доставлено, и совершён-

ное действие стало безвозвратным.

Методично съев апельсин, я пошла принимать душ. Вода смывает негативные эмоции. Вот, хотя бы складка разгладилась. Или она разгладилась уже во время принятого решения? Я тряхнула волосами и оптимистично улыбнулась своему отражению. Оно ответило взаимной улыбкой.

Прошло полчаса. Ответа на смс не потупило. Это лишь подтверждало правильность содеянного, и я начала спокойно собираться на яхту.

Уходящий первым – всегда победитель. Хотя бы в своих собственных глазах.

Лёгкую горчинку на дне души пришлось отнести к эффекту апельсинового масла... Вот на какой почве выросла черешня, спелый плод которой некоторое время спустя полетел в загорающего Серёжу.

***

День рождения неминуемо приближался, обдавая бессознательным страхом перед очередной цифрой. Скорей бы уж наступил, чтобы тут же принять его – как неизбежность. Буквально на следующий день становилось легче.

Хотя, если честно, после сорока цифры пугали меня всё меньше. Они скорее указывали путь осмысленного наслаждения каждым прожитым днем, а уж тем более – годом. Это пришло само собой, как приходит, наверное, ко всякому – понимание, что активных лет осталось меньше, чем прожило. И, поди, узнай, что там ждёт впереди...

После отлёта Бурмакова с компанией берег моря несколько опустел. Самое время для пеших прогулок и обдумывания плана предстоящей статьи. Последние два дня я практически ни с кем не общалась, собирая материал о выставке французского художника и целыми днями интерпретируя смысл его инсталляций. Кое-что, пожалуй, угадала – не Сальвадор же Дали с его лабиринтами подсознания. Позволив в редакцию газеты, заказавшей статью, я сама назначила день сдачи, уверенная, что успею.

Море уже три дня никого к себе не подпускало. Штормило, не угрожая, но показывая характер. Я всё равно подходила к нему каждый день и здоровалась – такая у меня сложилась традиция и образовалась потребность. Море не только успокаивало, но и наполняло энергией, и вдохновляло. Всегда, в любую погоду. Обожаю с ним разговаривать. Оно отвечает... Сегодня, к примеру, розовый закат благосклонно возвестил о том, что ветер разгонит тучи, и погода наладится.

Достав из чемодана любимую юбку, я повесила её на стул. Вдруг Виталий возьмёт, да и прилетит? Его молчание вполне могло означать нетривиальное развитие сюжета. Он на подобную непредсказуемость способен. К тому же мужчине свойственно оставлять за собой последнее слово. Для этого нужно лишь восстановить статус-кво: прилететь и вернуть пожелавшую расстаться женщину. А там видно будет. Может, и оставить потом всё, как есть. Или все-таки расстаться,

но уже самому сделав к этому шаг. Такова природа мужчины-самца. Хотя, чего это я философствую? Тот день рождения торчал в памяти, как никакой другой. Пожалуй, щедрый Виталий – единственный, кто меня действительно баловал...

Он, разумеется, не прилетел. Только позвонил и поздравил. Сделал вид, что я никаких точек не ставила, балагурил сочным голосом. И, привычно привирая себе в оправдание, стал таять в моих глазах, как мираж в пустыне. Тогда и возникла на горизонте яхта художника Бурмакова с телохранителем...

По прилёте в Москву я получила первое смс от Сергея. Ответила – по-летнему игриво, беззаботно. Две недели мы активно и охотно переписывались. И незаметно наш пинг-понг превратился... в большой теннис. Такой большой, что перекрыл мне небо. Но об этом чуть позже, потому что сейчас прошлое не имеет значения. Ведь будущее наше гораздо интереснее. Мы решили быть вместе. Осталось только мне смириться с тем, что любимый – женат, а ждать его придется не месяц и не два. Так он сразу объявил. И я, приняв жёсткие условия, ждала его и ждала...

***

Симпозиум в Москве прошёл на редкость стандартно. Моё выступление вызвало резонанс, пресса отреагировала типично вежливо. Сознание выполненного долга помогло мне быстро оформить отпуск, и на следующий день я вылетела в Германию.

На паспортном контроле мои плечи расправились сами собой: всякий раз, прилетая в эту страну, меня накрывало ощущение резкой прибавки чувства собственного достоинства. Исходило ли это от корректного обращения полицейских с моим паспортом и пожелания ими «доброго дня» по завершении контроля? Или от общей атмосферы толерантности, царящей на немецкой земле? Или от идеальной чистоты в здании аэропорта и отсутствия суеты? Трудно сказать. В любом случае, немецкая правильность, в пику русской бесшабашности, выигрывала на сто очков, как минимум. Особенно после столкновения с последней.

Мне в своё время повезло. В 1989 году Горбачёв с Колем договорились, чтобы железный занавес рухнул. И мы, как любопытные мыши из норы, высунулись из спёртого советского пространства. Началось великое переселение народов. Охваченная повальной жадой восстановления справедливости, я написала запрос в КГБ, и моего, как выяснилось, расстрелянного деда, немца, «врага народа», которого «заложил» в НКВД двоюродный брат, реабилитировали. Правдами и неправдами, однако, в рамках законности, мне удалось добиться компенсации за эту трагедию семьи. Но не от своей родины, а от демократической страны Германии. И теперь у меня есть вид на жительство и возможность находиться на немецкой территории с правом, оплаченным кровью моего красивого, сильного духом деда Генриха. Ему был всего тридцать один год, когда у него отняли жизнь. Оставшихся

без отца пятерых детей вырастила Эрна, его жена, которая больше так и не вышла замуж.

ГЛАВА 2. Лапки по локоть в крови

В Ганновере я обычно останавливалась у родственников по линии матери. В девяностые они, волею подобных судеб, стали «иностранцами», довольно скоро обустроились и онемечились. Однако не настолько, чтобы отказывать мне в крыше над головой. У них даже стояла под навесом и не просила есть моя подержанная машина.

Что касается нынешней поездки, то я вообще приехала в пустой дом: семья укатила на испанскую Косту Браву, оставив мне ключи у соседей.

Ганновер как город никогда меня не вдохновлял. И вообще – хотелось как можно скорее начать движение по Европе в сторону нашей с Серёжей мечты. Откладывать жизнь «на потом» – нездоровая позиция. Потом, как известно, суп с котом...

***

Что правда, то правда – есть машины, а есть «Мерседес». Стоит сесть за руль этого автомобиля, сразу вспоминаешь это выражение. Подержанный, а как идет! И сиденье – супер. Не сидишь, а восседаешь.

До Кёльна я «долетела» благополучно и засветло. На мосту через Рейн машинально сбросила скорость: на сумереч-

ном, розоватом небе прорисовывались антрацитовые очертания знаменитого готического собора.

Кёльну, практически полностью разбомбленному во время Второй мировой войны, один его уникальный собор на берегу Рейна, по сути, и остался: памятник архитектуры союзнические ВВС при бомбёжке не тронули. Впоследствии город застроили современными зданиями, воссоздав ещё несколько других храмов и памятников, но собор так и остался единственной явной принадлежностью прошлого. Издалека серый, словно седой, а вблизи – безжалостно чёрный выхлопными газами машин и поездов, собор «приютил» у своего подножия главный вокзал. Архитектурный «диссонанс», став популярным местом встречи местных жителей и гостей Кёльна, уже мало кого удивлял. По множеству путей ежеминутно двигались поезда региональных и дальних следований, а собор плыл за окнами вагонов, встречая и провожая путешественников. Первый и едва ли не единственный атрибут города, верный его страж.

Где ещё можно встретить утро, как не у окна с видом на такой собор? Я решила остановиться на ночь в отеле у вокзала. Помещение для завтрака как раз выходило окнами на величественное сооружение, и его было видно целиком, вплоть до двух макушек. На каждой – каменный крест. Собор напоминал мне огромную улитку с рожками.

Запарковав машину в подземном гараже, я забросила сумку с вещами в отельчик под названием «Ибис». Освежив-

шись, сменила дорожные джинсы на светлую лёгкую юбку и вышла на встречу с городом. Пешеходная зона, набитая магазинами и бутиками, начиналась от соборной площади. Манекены в витринах принимали позы – одна другой раскованнее. Нет, актуальные новинки сезона мне ни к чему. А вот новая обувь не помешает. Может быть, сделать это здесь и сейчас, по буддистскому принципу?

В большом обувном магазине продавцы встретили меня, как родную. Несколько пар туфель на плоской подошве с их подачи перемеряла. Эх, каблочки! Вы ушли для меня в прошлое... Теперь я предпочитала легкую ногу. На голове же «соль-перец» – заводная приправа! Нужно в этой жизни ещё много успеть, а каблук тормозил движение вперед – с ним нога становилась негнущейся, хоть и до предела эстетичной. Чтобы владеть ситуацией, нужна удобная обувь. Внимание мое привлекли алые мокасины с невысоким, во всю пятку каблуком. Кожа мокасин сверкала на свету, алый цвет соответствовал предстоящему юбилейному дню.

Купленные мокасины я сразу надела. Руки мои стали крыльями, а не тягачами для пакетов. Старые туфли полетели в первую же урну: обувь быстрее всего накапливает энергию усталости, поэтому менять её необходимо по возможности чаще.

Пронизав пешеходную зону до упора, я выпила в кафешке чаю, заглянула на часок в музей Людвига, почтив там своим вниманием по касательной выставку современной живописи

– для ликбеза. Задрвав голову, постояла перед собором-улиткой и вошла в него, поставить свечу. Где бы я ни была, в какой бы храм ни входила – католический, православный – я ставлю там свечу и молюсь. Бог един.

Вернувшись в отель, я с наслаждением приняла душ, бухнулась в постель и нажала кнопку пульта. По телевизору шел повтор записи церемонии вручения премии «Оскар». Глядя на заокеанские рефлексии и восторги, я незаметно уснула.

Проснувшись около часу ночи, я констатировала, что американские страсти продолжались. Вскрывались дрожащими пальцами шуршащие конверты, вибрировали обворожительные голоса, текли искренние слёзы радости. Однако в гостиничном номере что-то было не так... Складывалось стойкое впечатление – я здесь не одна. С экрана на меня смотрели знаменитые лица звёзд мировой величины, но отнюдь не присутствие Сандры Баллок или Леонардо Ди Каприо я ощущала. Оторвав взгляд от экрана, я опустила голову вниз.

В голубоватом свете телевизора, по бежевому ковролину, от кровати к окну медленно ползла какая-то... крошка-не крошка, муха-не муха, – в общем, ползла, другим глаголом не воспользуешься. Н-да, устали, видимо, за день глаза. Пора выключить телевизор и поскорее уснуть – ведь рано утром дальше, в путь...

Но необычный объект продолжал перемещаться по своей траектории, привлекая к себе внимание.

Включив ночник, я свесилась с кровати и наклонилась к

полу как можно ближе. И – чуть лбом не ударились! До омерзения настоящий, по ковровину медленно полз клоп... Тучный, уже отягощённый моей кровью. Внезапная тошнота попросилась наружу.

Меня кусали в юности клопы, два раза я становилась их добычей в старых московских домах. Было это настолько давно, что казалось – не повторится. Но чтобы здесь, в сердце Европы, у подножия колоссального собора, в отеле с нежным названием «Ибис»? Это же, извините мне мой французский, просто нонсенс!

Переборов отвращение, я зажала насекомое между пальцев маленьким кусочком найденной в сумочке салфетки. Слегка сдавила содержимое – там что-то хрустнуло. Я осторожно раздвинула пальцы – по белой бумаге расплывалось алое пятнышко. На его драматическом фоне шевелился не до конца раздавленный настоящий клоп. Двух мнений быть не могло. Я знала клопов, что называется, в лицо. Лучше, чем далекого Леонардо Ди Каприо.

Оскорбление коснулось глубины души. Где я – в Мариуполе? А ещё Европа! За кого они держат своих клиентов? Надо показать им... их клопов!

Ловко раскрыв левой рукой косметичку, я достала оттуда маленький прозрачный пакетик и опустила в него недобитого клопа вместе с окровавленным обрывком салфетки. И нервно принялась исследовать постель. Под подушкой обнаружился второй непрощенный гость – среднего, похоже, воз-

раста. Уже напился кровушки! Решил переварить её на месте, не отходя от тела? Не получится.

Хладнокровно придавив находку, я свалила среднего клопа в пакетик к первому. Это – уже целая компания, и я отнесу её администратору. Восемьдесят евро за ночлег с клопами? Не стану я платить за такое сомнительное удовольствие! Тем более, мне уже не заснуть, а стало быть – не выспаться. И до Штутгарта, следуя намеченному маршруту, не доехать.

Третьего клопа с трудом удалось разглядеть – настолько тот был мал. Ещё и не вырос настолько, чтобы познать вкус крови. Но я и «младенца» не пощадила – отправила его в пакетик к первым двум сородичам.

Великолепие Голливуда, распирающее кинескоп, усугубляло чувство досады, охватившее меня во время унижительной поимки клопов. Но мне требовались доказательства, иначе пришлось бы проглотить эту «пилюлю».

Через некоторое время я решила прилечь. И раздавила локтем четвёртого клопа – он оставил на простыни выразительное красное пятно.

– Я так благодарен Академии! Благодарен своей семье за то, что она терпела меня все эти месяцы, пока шли съёмки! Благодарность я выражаю, конечно же, всему съёмочному коллективу... – раздавалось в динамиках телевизора.

Безукоризненно смонтированные эпизоды церемонии «Оскар» сменяли друг друга. А я ловила распоясавшихся безвестных клопов.

Около пяти утра, к моменту окончания церемонии вручения премий по всем номинациям, в пакетике шевелилось и просто лежало трупиками семь отловленных коричневатобурых клопов всех размеров. Может быть, семья? Друзья?

– Я благодарен судьбе за эту премию... И моим друзьям-коллегам! Я о ней мечтал...

Сидя на краю кровати с пакетиком клопов, я тупо смотрела в экран и размышляла: «Мне на днях исполняется 50. И вдруг клопы! Что бы это могло значить? Всю оскароносную ночь ловила клопов... Их семь штук... Значит, через семь лет я получу «Оскара». Пятьдесят плюс семь равняется 57. Значит, в 57 лет и получу... Вот такая сложилась арифметика на фоне бессонной ночи. Оставалось только понять, за какие такие заслуги мне присудят американскую премию «Оскар»?

Что делать-то? Семь – хорошее число, на нём вполне можно остановиться, да и постель, оставаясь раскрытой, не подавала больше признаков затаившихся в ней клопов. Но лечь туда я больше не решалась. И продолжала топтаться по номеру, приглядываясь к малейшей крошке.

За окном показались признаки мутного рассвета. И вдруг меня осенило: администрация, увидев клопов, может заявить, что я-де привезла их с собой в пакетике, дабы не платить за номер. Или того хуже – что я завезла их сама, в чемодане. Ведь я приехала из России. Все знают, какая это огромная страна. Ещё Лермонтов писал, что она «немытая». Так

что, согласно имиджу...

Необходимо доказательство, что клопы покусились на моё тело именно в этой постели.

Я склонилась к простыне. Кровавое пятно всё ещё оставалось свежее-красным. Вот бы его сфотографировать! Но фотоаппарата у меня не было. Мечтала о нём уже года два, хотелось хороший, цифровой, компактный, а такой стоил денег. Интересно, во сколько открывается фотомагазин, что расположен у правого крыла собора?

Сев к столу, я написала заявление на имя владельца сети отелей «Ибис» о коварном покушении чибисовских клопов. Меткие немецкие выражения нашлись сами собой – от избытка чувств.

В шесть тридцать утра, с умытым, взволнованно-бледным лицом, я спустилась вниз и положила на чёрную стойку рецепшена белый лист бумаги с заявлением.

Пока администратор читала о том, что произошло в номере 312 в эту ночь, я не произнесла ни слова, дабы не мешать восприятию.

Потом, спустив голос на низы, сказала ошалевшей от прочитанного темнокожей молодой женщине:

– Пожалуйста, прошу в мой номер никого не входить. Я уже всё сфотографировала – на память. Вот вам семь клопов, можете на них поглядеть минутку. А теперь я понесу их в санэпидстанцию, для констатации факта, что это именно клопы – на случай вашего сомнения. И моего тоже. Вдруг

они заразные?

Тёмная кожа лица администратора мгновенно приобрела сероватый оттенок.

Она безглаголиво взяла пакетик, недоверчиво присматриваясь к содержимому. И молча выпрямилась, как ефрейтор перед генералом.

Полноправно забрав у неё своих клопов, я вежливо, но ненадолго попрощавшись, вышла за дверь.

Фотомагазин, к счастью, открывался рано.

– Доброе утро! – обратилась я к свежесбриту, элегантному консультанту. – Мне нужна квалифицированная помощь. Я ищу фотоаппарат, который намерена приобрести. Но он должен фиксировать мельчайшие детали. К примеру, лапки клопа.

– Лапки... клопа?! – изумился продавец. – Вы сказали...

– Да, клопа, вы не ослышались. А что такого?

– Ну... давайте попробуем... Вот, «Панасоник», у него есть функция съёмки документов... Там буквы, допустим, как лапки... Я сейчас продемонстрирую.

– Лапки... по локоть в крови! – сострила я.

Незнакомый с русскими идиомами, немец улыбнулся на всякий случай и нацелил объектив маленького аппарата на печатный текст.

Да, о таком я и мечтала! Если сейчас я различу на снимке буквы, участь камеры решена.

На дисплее буквы оказались прекрасно видны. Они даже

как будто немного шевелились, словно выстроенные в шеренгу клопы...

– Покупаю. побыстрее, пожалуйста, если можно!

Удивительно, как безболезненно оторвались от сердца и кошелек триста евро! Вот так и нужно покупать вещь – когда в ней есть крайняя необходимость.

Пройдя мимо окаменевшей женщины-администратора, я с прямой спиной поднялась в номер. Поражаясь своему детективному настроению, хладнокровно зафиксировала следы содеянного со мной в оscarоносную ночь: кровавое пятно на простыне, самого крупного агрессора, всех семерых в кучке – в правильной композиции, чтобы «гости» были легко различимы. Последним кадром стала раскуроченная постель целиком – дабы дать администрации отеля ясное представление о том, как смятенный клиент истово желал, но не сумел воспользоваться комфортом их обители.

Крупный и, видимо, самый выносливый клоп ещё подавал признаки жизни. Прекрасно! Сложив его вместе сдохлыми «уликами» в пакетик, я спустилась вниз.

К этому времени пришел директор отеля – мужчина средних лет с внешностью выдержанного человека. Но и у него немного бегали чёрные глаза, и подрагивали пальцы рук.

– Госпожа... – начал он, едва заметив меня. – Пожалуйста, успокойтесь! Мы всё уладим. Вот, я для вас приготовил...

Он разложил передо мной пачку распечатанной квалифицированной информации, скачанной из интернета.

На первой странице, в цветном изображении, красовался внушительных размеров клоп. Таким снимком я похвастать не могла. От увеличенного под микроскопом рыжевато-бурого туловища и волосатых лапок меня опять замутило.

– Посмотрите – вот вся мыслимая информация об этих животных (он именно так и назвал их – видимо, плохо учил в школе биологию), они, конечно, неприятны в контакте, но безвредны. И не переносят заразу.

– Что вы говорите? Значит, им можно размножаться в постели клиента?!

– Нет! Безусловно, нет, вы меня не так поняли. Просто вы можете быть спокойны...

– Я неспокойна! Вы понимаете, у меня сорваны планы и отобрана радость встречи с городом! И где? У собора, который выстоял в годы войны!

Нервы, конечно, сдали, и меня понесло в пафос. Но сдаваться я не собиралась. Достав пакетик с клопами, я с победным видом положила его перед директором.

Тот отпрянул и оцепенел.

– Знаете, вы меня не убедили. – Голос мой звучал твёрдо. – Видите, он ещё шевелится? В общем, я отправляю копию своего заявления об ущербе в центральный офис, в Мюнхен. Вас нужно закрыть на санацию!

– Поверьте, госпожа... – сейчас в Германии даже в пятизвёздочном отеле может случиться подобное. Вот тут написано... Просто какое-то нашествие...

– Хорошо, что вы предлагаете?

– Мы посоветовались и решили, что максимально возместим вам убытки и моральный ущерб. Вы сейчас поедете на такси за наш счёт в другой, четырехзвёздочный отель, который обойдётся вам в полцены. Пока вы там будете отсыпаться, мы сдадим в химчистку весь ваш багаж. Вы открывали чемодан?

– Да, открывала.

– Хорошо. Оставьте нам всё, что было в номере. Не беспокойтесь, химчистка надёжная, вещи не испортит.

– У меня там, извините, дорогое нижнее бельё...

– Что вы! Поверьте, у нас останавливаются очень респектабельные клиенты, мы уже не раз чистили там самое дорогое бельё, какое только бывает, и всё заканчивалось хорошо. Вот вам ещё один талон на такси до вокзала – когда выспитесь и придёте в себя. И за эту ночь вы нам ничего не должны. Спасибо, что остановились у нас! Приезжайте ещё!

Директор поклонился, просительно глядя мне в глаза, и подвинул в мою сторону листы с распечаткой о «виновниках торжества».

Я брезгливо их свернула и убрала в сумочку.

– Вряд ли мне удастся приехать к вам ещё. Но – спасибо за адекватную реакцию. Вам оставить пакетик с клопами, для отчётности? – спросила я миролюбиво.

– Спасибо, не стоит. Давайте, я его выброшу?

– Ладно, пусть пока побудет у меня. На всякий случай...

Кёльн – не самый большой по размеру город, и уже через пятнадцать минут, со звенящей от пережитого головой, я вошла в холл хорошего отеля, где меня встретил и проводил до номера худой, нескладный, но весёлый портье.

Опустившись в удобное кресло, я достала из сумочки листочки с информацией о клопах.

«Враг в моей постели!» – так называлась статья журналистки Клаудии Фромме. «Собственно говоря, клопы считались в Германии вымершими. Однако несколько лет назад этот неприятный «современник» под латинским названием *simex lectularius* опять перешел в наступление. В одном только Берлине в 2006 году отмечено сто девяносто три случая, – писала Клаудия. – Да, понятно – бум путешествий, интенсивные бизнес-контакты. Клопы в чемоданах летят с континента на континент, чтобы потом сесть в «человеческое такси» и паразитически присосаться к телу...

Нью-йоркская оперная певица Элисон Трайнер нашла на себе однажды в пятизвёздочном «Хилтоне» сто пятьдесят укусов и обратилась через адвоката в суд, подав иск на пять миллионов долларов – по числу звёзд отеля.

Голодный клоп не толще листа бумаги, во взрослом состоянии достигает от пяти до восьми миллиметров в длину. Полгода клопы могут жить без еды – завидная выдержка! Зато потом набрасываются на жертву, как озверевшие каннибалы. И это при том, что в клопе обнаружены двадцать восемь возбудителей различных болезней, в том числе и гепа-

тит «Б», «С» и даже вирус СПИДА. Но пока не зафиксировано конкретных случаев перенесения на человека. Возможно, эти люди не подозревают, где подхватили вирус?

Человеческое дыхание выуживает клопа из его засады, он активно ползёт на него во все свои шесть лап... Хотите установить, не сидит ли в вашем чемодане клоп, подуйте в замки – на ваш углекислый газ клоп потащится и высунется наружу»...

Ну, нет, спасибо, достаточно!

Быстро сбросив с себя подозрительную одежду, я встала под горячий душ.

В огромном, ставшем мутным от пара зеркале отразилась неплохая для моего возраста фигура с порозовевшей кожей. Да и «соль-перец» на голове смотрелись свежо, экстравагантно.

«Всё-таки я молодец, не растерялась, а сумела за себя постоять», – подумала я. Ах, как прекрасна своевременная сатисфакция...

Выскочив из-под душа, я промокнула белым душистым полотенцем руки, осторожно достала новенький фотоаппарат и, наведя фокус на своё отражение в зеркале, сделала несколько затуманенных, но эстетичных снимков.

Не всё же одних клопов снимать! Я-то чем хуже?

Снимки клопов в постели и кровавых следов на простыне прибавили смелости и полностью оправдали покупку фотоаппарата перед потомками...

... К моменту моего пробуждения в номер доставили одежду, побывавшую в химчистке. Запах едких химикатов ещё не выветрился, зато каждая вещь, покрытая тоненькой прозрачной пленкой, вплоть до нижнего белья, висела на одноразовой проволочной вешалке. Знать бы наперед, можно было бы не стирать перед дорогой.

Так, всё уложено. Можно стартовать.

Остановив такси, я предъявила водителю выписанный «Ибисом» талон и уже через пятнадцать минут пересела в свою машину. На переднее сиденье справа положила телефон, влажные салфетки, бутылку воды, бутерброд и два апельсина. До Штутгарта около четырёх часов езды – к ночи должна добраться.

Едва я легла на курс и набрала допустимую на этом отрезке автобана скорость, как машина начала издавать характерный звук «нездоровья». «Мерс» шёл, как ему и положено, по-королевски, но мотор выполнял свою функцию с натугой, как больное сердце, в котором прослушиваются шумы.

Сбавила скорость – звук несколько поутих, но не исчез. Водитель всегда слышит свою машину, потому что отчасти срастается с ней.

– Ну, что ты, моя хорошая? Что там у тебя внутри происходит, а? – спросила я машину, похлопав её по нагретой летним солнцем «торпедке». – Довезёшь меня до места? А там мы тебе уделим внимание.

Напрасно не удосужилась провести перед стартом поло-

женную инспекцию. Пеняй на себя.

Под Штутгартом у меня жили родственники. Несколько дней назад я позвонила им и договорилась, что остановлюсь по пути. Вот там и сделаю техосмотр. Вряд ли обнаружится что-то серьёзное. Всё-таки «Мерседес»...

Я включила радио. Удивительная Эдит Пиаф без вопросов составила мне компанию.

Через два часа, чуть не заснув за рулём, я остановилась выпить кофе. Приободрилась, сделала ещё один рывок и к десяти вечера благополучно въехала в посёлок, где обитали родственники.

Тётя, дядя, их дочери – две мои кузины, их мужа и мать мужа старшей дочери – все были рады встрече.

После первых перекрестных реплик, которые обрывались и оставались без ответа, повышенные от эмоций голоса родственников стали стихать, и мы теплой компанией сгрудились вокруг большого, накрытого общими усилиями стола.

Посыпались восклицания, вопросы, подробности жизни: не виделись ни много, ни мало – тринадцать лет. Хорошо знакомые, добрые лица двоюродных сестёр, превратившихся из девчонок в солидных женщин-матерей, возвращали меня в далёкие годы детства, и радость встречи сопровождалась подспудной грустью. Каждый жил своей жизнью, в каждом доме – по кому. Разве расскажешь за один присест...

Зная, что мне на днях исполняется пятьдесят, дядя Гриша вручил мне белый конверт и взволнованным, ласковым

голосом сказал:

– Мы тебе никогда ничего не дарили, но вот... тут... ты купи себе сама, чего хочется, добре?

– Спасибо!

– Ты далёко решила ехать... Не боишься?

– Да нет, не боюсь. Вот только мотор стал тарыхтеть, как у трактора.

– А проверяла?

– Давно не проверяла... Надо бы на подъёмнике глянуть. Вдруг там выхлопная труба отваливается? Звук как-то с ней связан, кажется.

– Да вон у Петьки дружок-немец свою мастерскую по ремонту держит. Сейчас позвоним, узнаем...

Пётр был зятем дяди Гриши. Таким, словно дядя Гриша подобрал его для любимой дочери по своему образу и подобию: работающий, спокойный, готовый прийти на помощь. И молчаливый. Настоящий мужчина, в общем.

Пётр быстро договорился со своим другом-автослесарем, и уже через полчаса я стояла в просторной прохладной мастерской, с любопытством глядя в днище своей машины, поднятой на специальном кране. Она, как игрушечная, будто в ней и веса никакого, висела в воздухе на расстоянии не менее двух метров от пола.

Я отошла в сторонку, чтобы не путаться под ногами, а мужчины все вместе осматривали объект так, как только мужчины и могут осматривать машину – забыв обо всём на

свете. Пётр, по просьбе мастера, забрался по прикрученной к подъёмному крану лестнице и включил зажигание. «Мерседес» ещё сильнее, чем на автобане, закряхтел – акустика мастерской ему в этом помогала, как певцу помогают округлые своды высоких потолков.

Мастер в синем комбинезоне, с длинными волосами певца семидесятых, прислушался, присмотрелся и сделал заключение:

– Неполадка серьёзная, для устранения нужно время. День-два.

– Я не могу так долго ждать. У меня на носу юбилей.

– Юбилей? Тогда езжайте так. Тут одна деталь в моторе играет роль. Вместе с установкой не меньше тысячи евро обойдется. Но если вы не будете сильно развивать скорость, то машина ещё, в принципе, тысячи две километров пройдет спокойно.

– Не опасно? – встревоженно поинтересовался дядя.

– Нет, две-две с половиной тысячи не опасно. Потом придется менять.

Пётр с дядей отпустили меня попить на дорожку чайку в кругу женской части коллектива, а сами втихаря и поджентльменски помыли машину снаружи и почистили внутри. Засверкала, как новенькая! Не «Линкольн», но достаточно юбилейно.

Я решительно утопила педаль газа.

Автобан, проложенный через холмистую местность, изви-

вался серой атласной лентой. Гордость Германии – дороги всегда меня поражали. Особенно когда я находилась за рулём.

Положа руку на сердце, добраться до Барселоны на машине – проверка на прочность, даже если останавливаться на ночь в мотеле. Августовская жара вояжу не способствовала. А те две бесппроблемные две тысячи километров, которые пообещал автослесарь, окажутся на исходе, по расчетам, после пересечения испанской границы.

План моего путешествия можно было назвать, со всех точек зрения, грандиозным: на границе Германии и Швейцарии, возможно, в утончённом Цюрихе, мне предстояла встреча со счастьем. В лице моего любимого мужчины. Серёжа намеревался преподнести мне юбилейный подарок – соединение наших судеб. Весь последний месяц он намекал на сюрприз. Зная его скрытный характер, я не выдавливала из него ни дату, ни место. Просто ждала. Просто? Нет, трепеща.

Мы негласно собирались сделать короткую передышку в Швейцарии и вместе, что называется, в «две руки» поехать в Барсу. Допуская, что Серёжа может опоздать, я предусмотрела дополнительный вариант: пересеку границу с Италией за день до дня рождения и доберусь до подруги, живущей под Генуей. Там передохну, запаркую машину рядом с домом моей Нади, куплю билет на поезд до Барселоны и в ночь перед юбилеем выеду в один из лучших городов Испании.

Вдруг Серёжа прилетит сразу туда? Оба варианта развития событий подкреплялись договорённостями по телефону со всеми, кто, так или иначе, входил в план – в качестве участника или свидетеля его осуществления.

Надя отличалась реактивным включением в ситуацию.

– Давай куплю тебе заранее билет на поезд Генуя-Барселона? – предложила она на правах итальянского старожила.

– Нет, спасибо. Если что, куплю билет сама, в день отъезда. Билеты в кассе будут, не сомневаюсь. Вряд ли толпа генуэзцев и блуждающих в ней туристов, числом, равным составу поезда, разом кинется накануне моего дня рождения в Барселону...

Что касается вояжа, и тут я ни в чём не сомневалась. Ни в чем. Кроме самого для меня главного – приезда Серёжи. В этом месте плана почему-то ныло сердце...

Барселона была для меня темным лесом. Конечно, я знала, что там жил и оставил после себя грандиозный след великий Антонио Гауди, но биографии его, к своему стыду, не читала. Составы команды игроков «Барсы» тоже не смогла бы перечислить. Хорошо помнила всемирно известную песню Фредди Меркьюри в дуэте с Монсеррат Кабалье, но в слова песни опять-таки не вникала. И достопримечательности города, изображенные на той открытке, что попала мне в руки невзначай, в памяти не удерживала. Всё увижу своими глазами – так будет ярче, незабываемее. Мое воображение пробил, правда, большой фонтан, разноцветная подсветка и вы-

сота улетающих вверх струй. Я ехала и представляла, как мы с Серёжей будем стоять у этих фонтанов в обнимку, вечером, в день моего рождения. Вечер будет теплым, мягким, небо – чёрным, и на его фоне ярче будут выглядеть цветные брызги воды. Музыка, подобранная для этого шоу, будет пронзительной, как наша с ним история... Но никакой печали! Ведь рядом будет мой любимый мужчина, долгожданный Серёжка. Уф! Пять раз употребилось слово «будет»! Значит, это **сБУДЕТся?**

С самого начала я знала, что обязательно его дождусь. Не раз представляя мгновение встречи, воображала себе, как он обнимет меня сзади, обхватив руками, положит голову мне на плечо, уткнувшись подбородком в ключицу, коснётся кончиком носа моей шеи, беззвучно поцелует в ухо и тихо, спокойно скажет: «Как я счастлив быть с тобою рядом...»

Я прокручивала это в своём воображении миллион раз. Мне не надоедало. Банально хотелось маленькой толики пресловутого женского счастья. Кто осмелится меня в этом упрекнуть?

ГЛАВА 3. Страна свобод и правопорядка

Машина шла по автобану легко, как скользит качественная шариковая ручка по бумаге.

Подъезжая к швейцарской границе, я автоматически, как и положено законопослушной гражданке, сбавила скорость – задолго до указателя, где это предусматривалось в обяза-

тельном порядке.

Калейдоскоп невероятных по красоте пейзажей не умалял моей тоски. День достиг четырёх часов, а из Москвы до сих пор ни одной смс.

С угасающим энтузиазмом я поглядывала на дисплей телефона. Серёжа не отличался словоохотливостью и часто смолкал без предупреждения. Но сейчас был особый случай. Любимый обещал «вести» меня по трассе, мысленным взором сопровождая и оберегая в пути. Честно говоря, я и впрямь чувствовала его присутствие. Но для «подъёма» бодрости духа от смс не отказалась бы. Тем более Швейцария, взятая за своего рода перевалочный пункт, неумолимо приближалась. Здесь я намеревалась разделить с Серёжей руль и жизнь.

В одном из разговоров по телефону он подтвердил встречу именно в Швейцарии. Для себя я определила этот шанс как «пятьдесят на пятьдесят». Хотелось, конечно, иметь больше на чаше, помеченной словом «за». А впрочем, ничего страшного. До дня рождения ещё оставалось время, да и сюрпризу больше соответствовал прилет Серёжи непосредственно в Барселону. Однако ехать вдвоём, пронзая Альпы и оставляя их за собой вместе с горечью потерянных в разлуке лет, было бы волшебным...

Я представила Серёжу за рулем, сосредоточенного и в то же время расслабленного, с улыбкой поглядывающего на меня... Мы не стесняемся некоторой сентиментальности. Его

взгляд, устремлённый вдаль, глубок, как наше чувство друг к другу, и ясен, как наше совместное будущее, в которое мы, наконец, едем вдвоем. Левая Серёжкина рука лежит на руле, а правой он держит мою руку. Держит так, словно боится даже на секунду потерять возможность меня касаться. Он ждал этого момента долгие четыре года, делая ради этого путешествия вдвоём всё, что было в его силах. Он держит мою руку, слегка пожимая пальцы, и не собирается отпускать. Разве что для необходимого маневра.

В черте границы я пока что сама взяла себя в руки. Приготовила паспорт, освежила на губах помаду, достала кошелёк.

Полицейский слегка наклонился к окошку машины и вежливо меня поприветствовал. Просматривая паспорт, он с улыбкой сказал:

– Никогда бы не подумал, что вам пятьдесят. Максимум – тридцать пять.

– Вы преувеличиваете! Но – спасибо, всё равно приятно...

– Я правду говорю. Мужчины не умеют определять возраст и почти всегда ошибаются. Кроме полицейских! – Он широко улыбнулся и показал рукой направо. – Виньетки – там. Доброго пути!

Страж швейцарского порядка непроизвольно поднял мне настроение, вернув паспорт с таким выражением лица, словно только ради этого и брал его в руки.

Виньетка доступа на территорию Швейцарии стоила тридцать

цать евро и действовала год со дня выдачи. Сейчас я её наклею, а когда мы с Серёжей будем возвращаться из Барселоны в Германию, то и виньетка станет свидетелем нашего счастья.

Радостная, возбуждённая, я пересекла границу, отъехала десять метров и остановила машину.

В белом одноэтажном здании хмурый, лысый служащий порядка и тупо выдавал виньетки. Но его коллега двумя минутами раньше оказался добрым «за себя и за того парня», так что меня не смутило сухое обращение лысого.

Расплатившись, я поблагодарила и лёгкой поступью покинула помещение. Виньетку удалось прикрепить на лобовом стекле, в области зеркала заднего вида – таким хитрым образом, что сама я, находясь за рулём, не видела её вообще. Этот трюк мне «подарил» друг-автомобилист, тоже предпочитавший свободный от наклеек обзор дороги.

Ну, здравствуй, Швейцария! Как ты тут без меня поживала? Судя по всему, неплохо. Красиво, по крайней мере.

Я постояла у машины ещё некоторое время, расслабляясь. Присела пару раз, разминая ноги. Сделаем-ка ласточку – для повышения настроения!

Серёжа... Ты все равно здесь, со мной. Смотри – мы пересекли границу. У нас вообще нет границ! Потому что мы любим друг друга. Ты стремишься ко мне – это главное. А я потерплю. Мне кажется, терпеть осталось совсем чуть-чуть. До Барселоны. Ты ведь обещал мне её подарить? Скоро пода-

ришь. Помнишь, как ты сказал однажды: «Подарю тебе всё, включая себя»...

Отправив ему бодряю смс-ку, я тронулась с места, пристроив мобильный так, чтобы сразу протянуть навстречу пришедшему ответу руку.

Альпы бежали по левому борту машины. Надо сказать, красота их ещё сильнее действует, когда едешь за рулем. Они ближе тебе, чем те Альпы, которые видишь из окна вагона. Наверное, потому что в любой момент можно остановиться и выйти из машины. Вдохнув свежий альпийский воздух, раскрыть объятия миру и покою, поприветствовать каждую из вершин горной гряды. Замереть в восторге, забыть на время обо всём. Можно вообще изменить маршрут и поехать туда, куда поманит взгляд. Главное, чтобы там дорога не оборвалась. Но даже если она оборвётся, можно расположиться на альпийском лугу и, глядя в украшенный снежными пиками вершин горизонт, съесть свой заготовленный бутерброд. А потом вернуться на исходную точку – отдохнувшей и умиротворенной. Главное – не терять оптимизма.

Выстроенная природой-архитектором, цепочка альпийских гор завораживала. Виляя из стороны в сторону, рискуя потерять управление, я делала снимки через лобовое и боковые стёкла.

Трасса оставалась полупустой, иначе бы меня уже давно кто-то «заложил» полиции. В законопослушных странах такое случается. Народ стоит навтыяжку на страже порядка.

Виляет, ага! – пьяная. Заложить неадекватного за рулём – значит, спасти его и, возможно, ещё парочку человек. Так что, в целом, дело благородное. И я отложила фотоаппарат в сторону.

Туда ли я повернула? Согласно карте, которая лежала раскрытой на нужной странице, мой поворот на Цюрих должен был быть вот-вот.

Я рулила, любуясь летним пейзажем, и невольно сравнивала Швейцарию и Германию. Вроде бы всё так же, да не так. Это – как одна картинная галерея отличается от другой: копии полотен совпадают, а вот общий антураж и детали существенно разнятся. Если Германия чиста, то Швейцария вылизана. Если Германия выглядит ухоженной, то Швейцария в этом отношении безукоризненна. Особенно деревушки в долинах Альп с их непременными белыми церквушками посередине и трафаретными коровками на склонах, мерно жующими свою сочную альпийскую травку. Серёжа говорил, что мы тут будем жить. Я даже представила себя в белом льняном переднике, на сосновом табурете, с теплыми сосками покорной коровы в руках. А что, доить корову – не такая уж сложная наука. Было бы желание! В детстве меня учила бабушка.

Корову мы, конечно, вряд ли купим. Скорее всего, купим машину-дом и будем жить в нём на колесах. Исколесим всю Европу. В таком «доме», наверное, хорошо вдвоём. Один – за рулём, другой – лежит, отдыхает на полке. Или может чай-

ку пока что заварить...

Потребовалась передышка, и я припарковала разгорячённую машину на заправке. Бензинчику пока что «выпить».

«Цюрих. Открытые двери Швейцарии»...

Буклет на русском языке лежал в придорожном кафе на стуле. Названия глав бросались в глаза своими достаточно точными формулировками. «Недвижимость – гавань без шторма», «Открытые сейфы банковской тайны», «Страна свобод и правопорядка».

Я никогда Швейцарией особо не интересовалась. А тут двадцать шесть кантонов и их главные города – Цюрих, Берн, Обвальд, Ури, Санкт-Галлен, Тургау, Ааргау, Золотурн, Цуг, Швиц, Гларус, Валлис, Тичино, Во, Фрибур, Невшатель – приглашали всех желающих. Золотурн... Смачное название. Надо туда, с Серёжей. И в Во! Это будет – во!

«Отведайте потроха «по рецепту Тургау»! Блюдо из потрохов, воспетое ещё Франсуа Рабле, подают во всех кантонах. Швейцарский шоколад «Шокосуис» отличается безупречным исходным сырьём!

А ещё «люксембургерли» – сладость, появившаяся всего пятьдесят лет назад. Небольшие воздушные миндальные пирожные с различным фруктовым вкусом есть и во Франции, и в Италии, и в Бельгии, и в самом Люксембурге, но лучшее место их дегустации здесь.

Эталонный час по Гринвичскому меридиану стоит отмечать сугубо на швейцарских часах: классический дизайн,

в котором сочетаются основные стрелки с лунным календарем, окошечками дней и месяцев, удобной индикацией времени суток в 24-часовом измерении. «Женевское клеймо... Женевский кантон – обязательное место производства, рубиновые камни, высокий уровень отделки и надежности, вплоть до запрета использования проволочных пружин – таковы условия производства швейцарских часов».

А в Берне, оказывается, есть дом Альберта Эйнштейна. И музей средств связи и коллекционных почтовых марок. Не зря Ален Делон, Фил Коллинз и Тина Тернер приобрели тут виллы. А раньше здесь жили Чарли Чаплин, Одри Хепберн, Жорж Сименон и даже Байрон...

Я прочла всё, что бросилось в глаза, однако, настроенная лишь на свою мечту, с легким сердцем проехала мимо фестиваля джазов в Монтре, мимо традиционных женевских праздников – фестиваля Палио в Нионе и открытого турнира по теннису в Гштаде и, кажется, пропустила ещё международный турнир лёгкой атлетики... Хороший буклетик попался, «спасибо Богу и людям», как любила повторять моя бабушка Мария.

Несмотря на это блестящее наследие, изысканная дороговизна Цюриха отдельным аттракционом у меня не прошла. И на сэндвич за пять евро аппетит не взыграл. Холодок какой-то сквозил тут во многом. Холодок Альп, или холодок размеренной, устаканенной жизни? Гигантский фонтан над озером Леман, выброс которого достигал ста сорока метров,

казался почему-то ледяным.

Наверное, я проехала в темноте и сквозь дырки знаменитого сыра «Грюйер» в средневековом городе с одноименным названием. Потому что меня преследовал специфический запах швейцарского сыра...

А как же замок Шильон, воспетый Байроном в «Узнике Шильона»? Монблан, хоть издалека? Ладно, хватит комплексовать, всё это мы сделаем вместе с Серёжей...

***

Поворот я, конечно, проморгала. На заправке, которые здесь, к счастью, регулярно приветствовали водителя, выпила кофе и выяснила, что еду, в принципе, правильно, но дала крюк. Видимо, придется заночевать в Швейцарии.

Сев за руль, я пристегнулась и медленно тронулась с места. Всё-таки после каждой остановки мотор машины всё хуже себя ведет, так что пока едет, надо ехать...

Через пятьдесят километров я выпила заготовленный на переднем сиденьи йогурт, почти не сбавляя скорости, и переставила кассету с музыкой.

Алла Пугачёва на весь салон правдиво и мощно «рассказывала» историю сильной женщины, плачущей у окна. Этой песней певица всегда доводила меня до слез. Ничего, скоро будут только слезы радости, можно и поплакать напоследок.

Интересно, как она, Алла Борисовна, пережила свои пятьдесят? Что чувствует публичный человек, окружённый толпой обожателей и, по сути, обязанный обнародовать свою да-

ту, даже если ему этого не хочется? Пугачёва в тот год совершила турне, демонстрируя всем прекрасную форму и доказывая, что пятьдесят – не возраст. Но сесть в машину и оторваться ото всего, «оторваться от суеты», как гласил один из её дисков, она себе позволить явно не могла. Обязательства перед своим призванием гнали её отмечать юбилей. Она ведь у своей славы в плену. И всегда – её должница, хочет она, или нет. Возможно, певица уже давно устала («устала Алла...»), а расслабиться больше нельзя. Надо соответствовать своей планке, предъявляя постоянную подать Богу, наделившему её редким даром. А попроси она свободы, что он ей ответил бы? «И кто ты тогда? Обычная женщина накануне тривиального старения? По вкусу ли это тебе, привыкшей быть в центре внимания? Ты уже никогда не будешь свободной от самой себя... Векселя выданы на очень крупные суммы. Плати!»

Не знать пощады от привычного алгоритма жизни, наверное, тяжело. Я выстроила свою программу жизни так, что свобода была у меня в приоритете всегда. Не абсолютная, нет. Свои привязки существовали, и время от времени я пыталась от них избавляться.

Например, бросила курить, сказав себе, что сигарета не может владеть мною. Это же абсурд – быть ведомой такой дурацкой привычкой. Неужели сигарета – сильнее меня? И я сумела бросить.

Мне уже давным-давно кажется, что доказывать самой се-

бе свою силу необходимо. Жизненно важно. Иначе в слабых местах переломится хребет...

***

Ответа на смс не было долго. Километр за километром я уговаривала себя не кукситься раньше времени.

Наконец позывные раздались, заставив меня сбросить скорость.

Но ни одна буква в пришедшей смс не указывала на то, что Серёжка находится в пути, или, как я размечталась, уже прибыл в Цюрих. Он заботливо желал мне ровной дороги и просил себя беречь. Значит, встреча состоится все-таки в Барселоне.

Итак, не раскисать: лишаюсь напарника, но не лишаюсь надежды обрести банальное, но такое необходимое женское счастье.

Горы всегда внушали мне уважение. В них покоится недоступная тайна и скрытый смысл. Они отрешённо возвышаются над миром, который суетится у их подножия. У гор – мужская энергетика. Мощная. Непререкаемая. Обе стихии всегда пополняли у меня утечку энергии. Морская стихия – женская. Подвижная: то бушует, то плачет, то ластится. А горы молчат, как мужчины. Неподвижность гор есть мужская надежность. Стабильность. В горах я себя чувствовала спокойнее, увереннее...

Ёлки-палки альпийские, придется сделать передышку, а то левая лопатка уже сигналиит...

Заправляя машину бензином, я отошла в сторону и сфотографировала волшебную панораму горной гряды. Спасибо бойким клопам! Если бы не они, не держать мне сейчас в руках моего цифрового «соглядатая» ...

Где-то позади, за одной из гор, остался закат, и лишь его отсветы продолжали окрашивать горные склоны тем особым оранжевым оттенком, который так нравился мне.

Поставив машину на скорость-контроль, я откинула голову на подголовник. Внезапно охватила дикая усталость. Где-то заночевать, или ехать дальше и остановиться на ночлег в Италии? Не склоняясь ни к одному из решений, я ехала, поглядывая на показания спидометра.

На «скорость-контроле» машина стабильно выдавала сто десять километров в час. Это помогало сконцентрироваться, добавляя адреналина на тех участках пути, где, по идее, нужно было совершать манёвр, увеличивая скорость или сбрасывая её. Но я держала сто десять километров из чистого упрямства и продолжала маневрировать в опасном режиме. Риск никогда меня не прельщал, но его пряная щепотка добавляла вкуса жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.